

ЛЮБОВЬ-НЕНАВИСТЬ

В начале 1852 года в Москве после долгих страданий, нравственных и физических, умер Николай Васильевич Гоголь. Весть об этом поразила, взволновала многих. Его чтили как первого русского писателя, как главу новой школы, к которой примкнули все живые силы тогдашней литературы, и прежде всего - кружок "Современника", от него вели свою родословную едва ли не все лучшие писатели XIX века.

На другой же день после похорон Гоголя Аксаковы писали в Петербург Тургеневу: "Какое тяжкое чувство сиротства овладело всеми, для которых в Гоголе заключалась вся надежда, все утешение, единственная светлая точка в России". Грановский же, говорится далее в письме, сказал Аксаковым: "Ну, кажется, теперь больше хоронить некого". Тургенев в те же дни писал из Петербурга в Париж Полине Виардо: "Случилось великое горе. В Москве умер Гоголь... Вам трудно представить себе всю огромность этой потери... Нет русского сердца, которое не обливалось бы кровью в этот миг. Для нас он был не только писателем: он нам открыл нас самих. Для нас он был в известном смысле продолжателем Петра Великого... Надо быть русским, чтобы это почувствовать..."

Гоголь умер 21 февраля. Петербургские его почитатели узнали об этом 25-го, в день похорон писателя. И в этот же день Некрасов написал стихи "Блажен незлобивый поэт", навеянные мыслями о судьбе великого сатирика. Он успел включить эти сорок строк в уже готовую к выходу книжку "Современника". Имени Гоголя в стихах не было. Все произошло так быстро, что цензор Крылов не успел даже подумать, по какому поводу они написаны, и подписал журнал к печати.

Взволнованный событиями Тургенев признавался, что под влиянием только что прочитанного стихотворения Некрасова ему захотелось громко сказать о значении Гоголя, о великой горечи утраты. И он написал прочувствованную статью-некролог, в которой говорилось: "... Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертью, назвать великим; человек, который своим именем означил эпоху в истории нашей литературы, человек, которым мы гордимся, как одной из слав наших!" Статья эта, отданная в "Петербургские ведомости", вызвала негодование цензурного комитета; ее тон нашли неприличным, а слово "великий" вызвало особое недовольство. Руководители комитета удивлялись "дерзости" автора, который вздумал в столь возвышенных выражениях говорить о "лакейском писателе"!

Тургеневу дали понять, что имя Гоголя вообще упоминать не велено. "Неужели это так пройдет!" - восклицал он в письме к Боткину и тут же поручил ему похлопотать, нельзя ли напечатать некролог в Москве. Благодаря стараниям друзей тургеневское "Письмо из Петербурга", прославлявшее Гоголя, 13 марта было опубликовано в газете "Московские ведомости" (за подписью Т..... в). Власти переполошились. Управляющий Третьим отделением Дубельт и шеф жандармов Орлов представили Николаю II свои проекты репрессий против автора. Царь нашел их недостаточными и начертал: "Полагаю, этого мало, за явное ослушание ^посадить его на месяц под арест и выслать на жительство на родину под присмотр". 16 апреля автор "Записок охотника" был взят под стражу.

Стихотворение "Блажен незлобивый поэт" основано на мысли Гоголя, выраженной в седьмой главе "Мертвых душ", в "отступлении", где говорится о разных судьбах двух писателей: о счастливой судьбе того, кто "упоительным куревом" окуривает людские очи, льстит им, скрывая темные стороны жизни, и о печальной участи того, кто дерзнет сказать жестокую правду, кто вызовет наружу всю "страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь". Мысль Гоголя была близка Некрасову, она совпадала с его собственными размышлениями о судьбе сатирика в обществе.

Вслед за Гоголем он делит свою сатиру на две части, одна из них рисует "незлобивого поэта", в ком мало "желчи" и много "чувства", другая - "обличителя толпы", преследующего порок. Некрасов достиг особой остроты в построении этой антитезы. Очевидно, что первый тип

поэта глубоко чужд самому Некрасову; это приверженец "спокойного", то есть убаюкивающего искусства, далекого от жизни, от ее бурь и тревог. Он любит "беспечность и покой", сторонится всего, что может нарушить его безмятежно-идиллическое состояние. Он равнодушен к людским горестям и откровенно эгоистичен.

Ему сочувствие в толпе,
Как ропот волн, ласкает ухо.

"Толпа" здесь - это, конечно, не народ, а скорее та "чернь", о которой говорил еще Пушкин, "чернь", духовно отгородившаяся от народа, предавшая его. В программном некрасовском стихотворении сибариту и эстету, живущему "без печали и гнева", противопоставлен "благородный гений" обличителя той же "толпы". Перечитаем эти стихи:

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой.

Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

И веря и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья...

... Со всех сторон его клянут
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он - ненавидя!

Здесь смысловой центр стихотворения. Здесь Некрасов дал двуединую формулу "любовь-ненависть", которая в предельно сжатом виде заключила в себе одну из главных нравственных проблем, стоявших перед русскими передовыми деятелями в эпоху борьбы против крепостничества и самодержавия. В ту пору они могли действительно выразить свою любовь к России, к ее народу только "враждебным словом отрицанья". Истинно любить закабаленный народ - это значило питать ненависть к его поработителям, жить печалью и гневом. Иного выбора не было, и Некрасов это хорошо понимал. Он часто возвращался к этой мысли, составлявшей его убеждение. Например, он писал Л. Толстому 22 июля 1856 года: "... И когда мы начнем больше злиться, тогда будем лучше, - т. е. больше будем любить - любить не себя, а свою родину..."

Потому-то некрасовская формула, имевшая определенный политический смысл, и не устраивала дворянских либералов - они немедленно ее заметили и против нее восстали. Они еще могли бы примириться с первой ее частью, ведь им случалось (и нередко) говорить о любви к "бедному брату". Но вот вторая часть - ненависть - была им решительно не по вкусу.

Дружинин, искажая мысль Некрасова, стал печатно потешаться над ней: "При всем нашем добросовестном старании мы с вами ни разу не попробовали любить ненавидя или ненавидеть любя. Этих двух крайностей мы с вами никогда не соглашали". А Боткин, прочитав другое стихотворение Некрасова - "Замолкни, муза мести и печали", которое завершалось, в сущности, той же мыслью:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть, -

очень огорчился и письменно уверял Некрасова, что он клеветает на себя (если говорит о себе)...

Между тем формула Некрасова приобрела широкое хождение именно благодаря точному и поэтическому выражению глубокой и злободневной мысли. В стихах самого Некрасова она стала своеобразным рефреном, он звучит в лучших его вещах, в том числе в программном стихотворении "Поэт и гражданин"!

Клянусь, я честно ненавидел,
Клянусь, я искренно любил!

В сознании современников идея "любви-ненависти", владевшая умами лучших людей России, связывалась в еще большей степени, чем с Гоголем, с Белинским; потому-то и Герцен, вспоминая Белинского в "Былом и думах", говорил, что автор "Письма к Гоголю" был полон "святого негодования", "полон своей мучительной "злой" любви к России".

Сам Герцен не раз пользовался этой формулой, когда определял, например, сущность поэзии Лермонтова ("Нужно было уметь ненавидеть из любви") или когда писал о своем отношении к революционному Западу: "... я любил его всею ненавистью к николаевскому самовластью и петербургским порядкам". Впрочем, не обязательно считать эту формулу чисто некрасовской: выражая реальный конфликт эпохи, она стала общей характерной чертой революционной публицистики.

Немало сделал для ее разъяснения Чернышевский. Его "Очерки гоголевского периода русской литературы" начали печататься в "Современнике" спустя три года после появления стихотворения "Блажен незлобивый поэт". В это время еще действовал запрет на имя Гоголя. Но, заговорив в своих очерках о великом сатирикe, то есть нарушив запрет, Чернышевский впервые расшифровал некрасовские стихи. Разъясняя их смысл, он писал: "... Никогда "незлобивый поэт" не может иметь таких страстных почитателей, как тот, кто, подобно Гоголю, "питая грудь ненавистью" ко всему низкому, пошлому и пагубному, "враждебным словом отрицанья" против всего гнусного "проповедует любовь" к добру и правде".

Чернышевский добавил к этому: "Кто гладит по шерсти всех и всё, тот, кроме себя, не любит никого и ничего; кем довольны все, тот не делает ничего доброго, потому что добро невозможно без оскорбления зла". Вот еще один вариант той же формулы, как расшифровал ее Чернышевский, опираясь на некрасовские стихи.

Приняв поэтическую антитезу Некрасова, он повторил его слова о любви и ненависти, ибо ненависть его к самовластью была горяча и последовательна; она была неразрывно связана с его великой любовью к России. Много позднее это оценил В. И. Ленин, указавший, что суровые и гневные обличения Чернышевского ("... нация рабов, сверху донизу - все рабы") были выражением "... настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения" {В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 107.}.

* * *

В некрасовском образе поэта-обличителя, вооруженного "карающей лирой", конечно, не следует видеть прямое изображение Гоголя. Да, этот образ создан с мыслью о Гоголе, посвящен его памяти, однако в стихотворении запечатлена участь всякого борца за правду и справедливость, смело идущего наперекор "толпе", которая встречает его "дикими криками озлобленья". Он не только обличитель зла, но и проповедник высоких идеалов ("он проповедует любовь..."), почти пророк - образ традиционный для русской литературы. Он сродни лермонтовскому пророку, созданному десятилетием раньше, - в него та же "толпа" "бросала бешено камень", когда он проходил свой тернистый путь. Стихотворение "Блажен незлобивый поэт" явилось одним из манифестов борьбы за реалистическую и сатирическую поэзию, за право искусства обличать пороки и язвы общества, то есть в конечном счете - за расцвет гоголевской школы. Некрасов впервые на языке поэзии с такой силой определил пафос

новой школы; он резко противопоставил два литературных направления и нанес чувствительный удар защитникам "чистой эстетики", в ту пору еще близким к редакции "Современника". В борьбе за правильное понимание Гоголя он шел вслед за Белинским.

На языке прозы он также не раз выражал свое преклонение перед автором "Мертвых душ" - и в письмах, и в критических статьях. В его сознании образ Гоголя неизменно сливался с представлением о тернистом пути поэта-сатирика. Вот пример. Прошло три года после смерти Гоголя, и Некрасов, посылая Тургеневу в Спасское второй том "Мертвых душ", отмечает главную заслугу Гоголя: "... писал не то, что могло бы более нравиться, и даже не то, что было легче для его таланта, а добивался писать то, что считал полезнейшим для своего отечества. И погиб в этой борьбе..." (12 августа 1855 года). Это и есть тернистый путь - на языке прозы.

Вскоре Некрасов снова пишет о Гоголе. В середине 50-х годов он вел в "Современнике" ежемесячное обозрение под названием "Заметки о журналах". В одном из таких обозрений (за октябрь 1855 года) он вступил в полемику с А. Ф. Писемским, который опубликовал в "Отечественных записках" статью о втором томе "Мертвых душ". Писемский, по мнению критика, сузил значение Гоголя, ибо почти вовсе отказал ему в лиризме. В этом споре Некрасов обнаружил тонкое понимание природы гоголевского творчества, соотношения в нем сатирического и лирического начал.

"Ах, г. Писемский! - восклицал Некрасов. - Да в самом Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче, в мокрых галках, сидящих на заборе, есть поэзия, лиризм. Это-то и есть настоящая, великая сила Гоголя. Все неотразимое влияние его творений заключается в лиризме, имеющем такой простой, родственно слитый с самыми обыкновенными явлениями жизни - с прозой - характер, и притом такой русский характер!"

Дальше Некрасов доказывал, что без лиризма Гоголь не был бы великим сатириком-обличителем. В этом важнейшем вопросе Некрасов сумел опереться на авторитет Белинского. Он воспользовался тем, что Писемский упомянул "горячего, с тонким чутьем критика" (имя Белинского было еще запрещено в печати), который открыл в Гоголе "социально-сатирическое значение", и ответил на это: "Критик, о котором говорит г. Писемский, выше всего ценит в Гоголе Гоголя-поэта, Гоголя-художника, ибо хорошо понимал, что без этого Гоголь не имел бы и того значения, которое г. Писемский называет социально-сатирическим".

Возвеличивая Гоголя, Некрасов в то же время отдавал должное великому наследию Пушкина. В своих суждениях о нем он был далек от "эстетической критики", пытавшейся выдать Пушкина за певца радостей жизни и выразителя "чистой художественности". В отличие от многих своих современников Некрасов сумел понять роль Пушкина как народного поэта, преобразователя отечественной литературы. Он писал о "великом значении Пушкина в истории развития русского общества", видел в нем "гордость и славу своего отечества".

Некрасов вставал горой на защиту Пушкина, когда пигмеи, вроде Кс. Полевого, сотрудника "Северной пчелы", пытались развенчать поэта, возводили, на него всевозможные напраслины. Обращаясь к молодому поколению, Некрасов восклицал: "... не слушайте ни г. П., ни подобных ему. Читайте сочинения Пушкина с той же любовью, с той же верою, как читали прежде... Поучайтесь примером великого поэта любить искусство, правду и родину, и если бог дал вам талант, идите по следам Пушкина, стараясь сравняться с ним если не успехами, то бескорыстным рвением, по мере сил и способностей, к просвещению, благу и славе отечества!"

Особая заслуга Некрасова была в том, что он решительно отверг провозглашенное Дружининным противопоставление Пушкина - Гоголю. Он возвысился до целостного понимания народности русской литературы и рассматривал творчество лучших писателей - своих современников как продолжение и развитие традиций великих предшественников. Некрасовское осознание роли Пушкина оказалось историчнее и глубже взглядов Чернышевского и Добролюбова, - они, как известно, не смогли противопоставить "эстетической критике", пытавшейся сделать Пушкина своим знаменем, справедливую оценку великого поэта.

Однажды Герцен, ненавидевший Николая I, заметил, что этот монарх к концу своего царствования добился того, что заставил всю Россию замолчать, но он не мог заставить ее

говорить так, как ему хотелось. Эти слова относятся и к передовой журналистике, и к лучшим писателям: они замолчали, чтобы не говорить того, что от них требовалось в те трудные годы. Молчание это было, впрочем, относительным. Некрасов и в это время не сложил оружия; он искал различных путей для обхода цензуры, а в письменном столе своем хранил - до лучших дней - немало стихов на темы важные и острые. В это время поэт особенно интенсивно размышлял о сущности своего творчества. Вслед за стихами, навеянными образом Гоголя-сатирика, о в том же 1852 году создал одну из главных своих поэтических деклараций - стихотворение "Муза", в котором стремился определить ее особые, неповторимые черты.

Один из современников не без иронии заметил, что такие понятия, как "муза", "лира", свойственные эстетике старомодного романтизма, вовсе не идут к земной, современной и угловато плебейской поэзии Некрасова. Однако у него было свое отношение к этим понятиям. С "музой" он обращался по-земному просто, иногда шутливо ("Муза моя поджала хвост..." - из письма), иногда добродушно ("Что же скажешь ты, Муза моя?"), иногда с легкой укоризной ("Муза! Ты отступаешь от плана!"), порой патетически восклицал: "Муза! С надеждой приветствуй свободу!", или: "О Муза! Я у двери гроба!" Собираясь писать о театре, он без церемоний приглашает ее с собой:

Муза! Нынче спектакль бенефисный,
Нам в театре пора побывать.

В предчувствии смерти, подводя итоги угасающей жизни, он просит: "Угомонись, моя муза задорная" и именно ей признается в своей "необъятно-безмерной" любви к народу.

Многие поэты (и не только романтики) вели традиционные беседы с музой. Но вряд ли найдется еще поэт, у которого обращение к музе было бы столь излюбленным и постоянным, как у Некрасова: поэт искал новых возможностей общения с аудиторией, и муза становилась для него посредницей в разговоре с читателем ("Меж мной и честными сердцами...").

Образ музы то сливался в поэтическом сознании Некрасова с образом родины, то заключал в себе самоопределение ("муза мести и печали"), то предстával в виде "породистой русской крестьянки", то в нем угадывались черты любимой женщины, иногда матери, чаще же всего она являлась в терновом венце или "иссеченная кнутом", или в качестве "печальной спутницы печальных бедняков..."

Самое многообразие этих трансформаций указывает на то, что поэт дорожил возможностью в наиболее прямой форме открывать свою душу, обнажать движущие начала своего творчества или просто и откровенно говорить о нем с читателем. Особенности некрасовской "музы" были замечены современниками. Так, Дружинин, один из главных представителей "эстетической" критики, дал выразительную характеристику демократичности этой музы, хотя и не удержался от колких намеков ("небрежный убор", "грубость манер"), вполне отвечавших его отрицательному отношению к народным основам некрасовской поэзии. В статье о "Стихотворениях" Некрасова (1856), оставшейся неопубликованной, Дружинин писал: его муза "сама отдается читателю с первой минуты, без притворства и ужимок, простая и откровенная, гордая и печальная, светлая и сухая в одно время - искренняя до жестокости, прямодушная до наивности. Она не румянится, готовясь выйти к публике, даже не приводит в порядок своего небрежного убора, и очень часто, смешивая благородные чувства с грубостью манер, нравится самою своей неизысканностью".

Теперь вернёмся к стихотворению "Муза". Как обрисовал в нем поэт сущность своего творчества? Он говорит: "Муза" никогда не пела ему сладкогласных песен, не учила "волшебной гармонии". Он помнит пушкинскую музу: качая колыбель поэта, она "меж пелён оставила свирель"; но не такова его, некрасовская, муза: "она в пеленках у меня свирели не забыла". Поэтическое и чуть торжественное "пелён" превращается в обыкновенные "пелёнки". Он явно отталкивается от светлой и гармоничной романтической музы молодого Пушкина; вот какой образ рисуется взамен:

В убогой хижине, пред дымною лучиной,
Согбенная трудом, убитая кручиной,

Она певала мне - и полон был тоской
И вечной жалобой напев ее простой.

В ее "скорбном стане" слышатся "проклятья, жалобы, бессильные угрозы", этой музе уже не до пленительных напевов:

Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бешено моею колыбелью,
Кричала: "мщение!" - и буйным языком
На головы врагов звала господень гром!

Надо вдуматься в эти слова, сопоставить их со словами о людских страданиях и проклятиях, о слезах и горе; надо перечитать и предпоследние строки стихотворения "Муза", где стоят четыре прописные буквы:

Чрез бездны темные Насилия и Зла,
Труда; и Голода она меня вела {*}... -

{* В более ранних вариантах вместо "насилия" стояло "отчаянья", вместо "голода" - "терпения". Это показывает, что, работая над текстом, автор усиливал его политическое звучание.}

и тогда мы поймем, что в этих стихах многое сказано о себе, о своей поэзии, прежней и будущей. Поэт стремился резко и с разных сторон обрисовать черты своей музыки, своего призвания. Может быть, эта резкость и не позволила некоторым друзьям понять его стихи-декларации (Тургенев отозвался о них сдержанно, начисто отверг последнюю строфу, но похвалил первую - напоминает "пушкинскую фактуру"). Что же касается недругов...

Поэт Аполлон Николаевич Майков в эти годы еще не относился к числу прямых недругов. Он поддерживал отношения с Некрасовым, печатался в "Современнике", не отказывался от приглашений на обеды. Еще не так давно он был отчасти близок к петрашевцам, а некоторые его поэмы 40-х годов хранят следы влияния натуральной школы. И тем не менее он давно уже вынашивал идею "чистого искусства", отрешенного от житейских волнений.

Когда некрасовская "Муза" появилась в "Современнике" (1854), именно Майков, прочитав ее с "невольным сердца содроганьем", тут же написал стихотворный ответ автору. Чем же был недоволен Майков? Он убеждал Некрасова отказаться от мятежных настроений, обратить "усталый взор к природе", рисовал успокоительные картины мирной сельской жизни; пользуясь все той же некрасовской формулой, он упрекал поэта в том, что, "полюбивши ненавидеть", тот будто бы "везде искал одних врагов". Майков восклицал:

Нет, ты дитя больное века!
Пловец без цели, без звезды!
И жаль мне, жаль мне человека
В поэте злобы и вражды!

Знал или не знал Некрасов декларацию Майкова, опровергавшую его "Музу", неизвестно, в печати она не появилась. Однако известно, что сам он ценил Майкова как талантливого поэта и не раз с похвалой отзывался о его лирике. Но вот с началом Крымской войны Майков стал писать урапатриотические стихи, а затем, забыв о своей приверженности к "чистому искусству", воспел Николая I (стихотворение "Коляска"), то есть сделался вполне тенденциозным поэтом. Это "новое направление" музыки Майкова вызвало насмешки-эпиграммы и пародии в адрес "петербургского Аполлона".

Некрасов счел нужным указать на то, что поэт вступил на скользкий путь, несовместимый с подлинным служением искусству. В "Заметках о журналах" за март 1856 года он писал: "Мы всегда любили поэтический талант г. Майкова, всегда ценили его и верили в него, верили даже тогда, когда талант этот несколько удалился от истинных условий творчества, не допускаящих

ничего преднамеренного, заданного..." И еще: "... Одно время поэт начинал внушать опасение, чтоб талант его, принявший направление ему несвойственное, не остановился в своем развитии..." {В рецензии Чернышевского на сборник стихов Майкова "1854" ("Современник", 1855, № 3) также содержался определенный намек на то, что "новое направление" Майкова, вызванное "требованиями современности", принесет "ущерб его таланту". В рецензии принимал некоторое участие Некрасов; во всяком случае, Чернышевский засвидетельствовал, что "первые строки статьи писаны Некрасовым", а сам Майков считал даже, что им написана полностью вся статья.}

Эти деликатные определения - "несколько удалился", "начинал внушать опасение" - нельзя не считать данью цензуре, которой не следовало знать, что речь идет о предметах очень опасных - о критике верноподданнических настроений в стихах Майкова. Во всяком случае, в упомянутом выше коллективном "Послании к Лонгинову" (конец июля 1854 года), сочиненном Некрасовым вместе с Дружининым и Тургеневым, определения были куда менее деликатны, - там прямо говорилось: "А Майков Аполлон, поэт с гнилой улыбкой, вконец оподлился - конечно, не ошибкой..."

Эти неприятные слова каким-то образом дошли до Майкова, о чем стало известно от него самого: в одном альбоме оскорбленный поэт записал (в январе 1855 года) ответные стихи, в которых были такие строки:

... Они не судьи дел моих.
Пусть нас грядущее рассудит,
И жду его спокойно я...

Грядущее, как известно, решило вопрос не в пользу автора этих строк. В столкновении двух "муз" нашла выражение начинавшаяся борьба двух мировоззрений, двух направлений в общественном и умственном движении.